

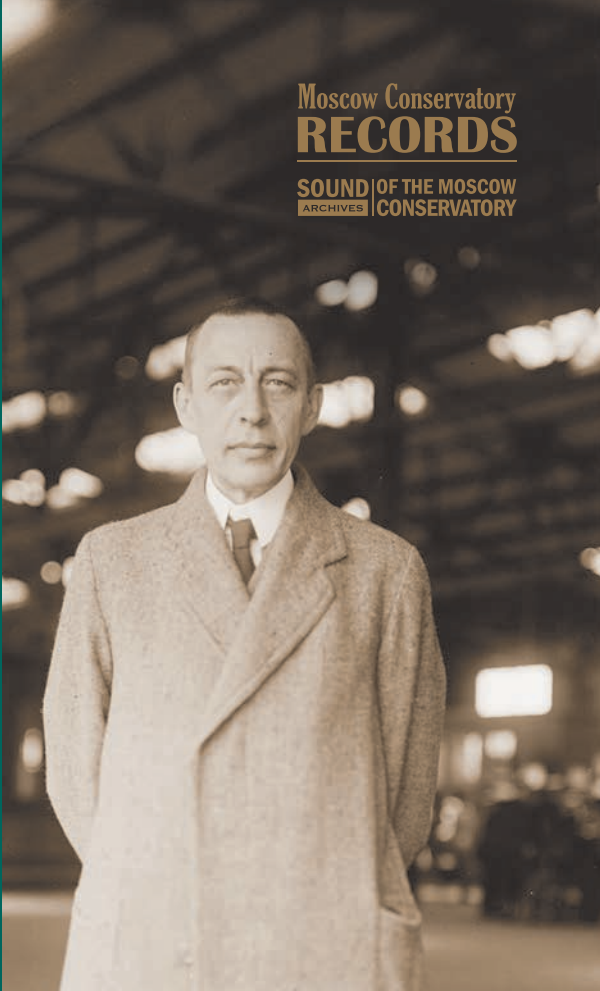
THE MOSCOW CONSERVATORY
TRIBUTE
TO
RACHMANINOV

150th
Anniversary

CHORAL
WORKS

Moscow Conservatory
RECORDS

SOUND OF THE MOSCOW
ARCHIVES | CONSERVATORY

Sergey Rachmaninov (1873–1943)

Six Choruses for women's or children's voices and piano, Op. 15

1	1. Glory (Nikolay Nekrasov)	1.54
2	2. Night (Vladimir Lodyzhensky)	2.48
3	3. The Pine Tree (Mikhail Lermontov)	2.49
4	4. The Waves Began to Slumber (Konstantin Romanov)	1.43
5	5. Captivity (Nikolay Tsyganov)	2.11
6	6. The Angel (Mikhail Lermontov)	3.06

Three Russian Folk Songs for orchestra and chorus, Op. 41

7	1. Across the River, Swift River	3.14
8	2. Ah, You Vanka! You Devil-May-Care Fellow	5.07
9	3. You, My Fairness, My Rosy Cheeks	3.16

The Bells, a poem for symphony orchestra, chorus and soloists, Op. 35 (text by Edgar Allan Poe, translated by Konstantin Balmont)

10	1. The Silver Sleigh Bells (Allegro ma non tanto)	6.02
11	2. The Mellow Wedding Bells (Lento)	11.23
12	3. The Loud Alarm Bells (Presto)	7.45
13	4. The Mournful Iron Bells (Lento lugubre)	11.09

Clavdiy Ptitsa
Клавдий Птица

Sviatoslav Richter
Святослав Рихтер

Women's Group of the All-Union Radio and Television Choir (1 – 6)

Sviatoslav Richter, piano. Conductor Clavdiy Ptitsa

Live at the Small Hall of the Moscow Tchaikovsky Conservatory, January 12, 1982

The Republican Russian Choir (7 – 13)

Artistic Director Alexander Yurlov

Soloists: Alexey Maslennikov, tenor (10), Nathalia Shpiller, soprano (11),

Alexey Bolshakov, baritone (13)

The Moscow Philharmonic Symphony Orchestra (7 – 13)

Conductor Evgeny Svetlanov

Live at the Grand Hall of the Moscow Tchaikovsky Conservatory, May 12, 1958

Sound restoration & mastering: Elena Sych, Elena Doinikova

Engineer: Igor Solovyov. Design: Alexey Gnisyuk. Executive producer: Eugene Platonov

© & © 2014, 2022 The Moscow Tchaikovsky Conservatory

All rights reserved

This CD contains recordings of the concerts of Sergei Rachmaninov's choral music performed at the halls of the Moscow Tchaikovsky Conservatory by great artists of the late 20th century. The outstanding conductor Evgeny Svetlanov was a recognized luminary and bearer of the great traditions of Russian music interpretation. It was manifested in the scale of his creative thinking, his desire to emphasize the vivid figurative contrasts, stress the semantic accents and expose the rich picturesque timbres of orchestra instruments. The unique Sviatoslav Richter, who accompanies the choir, creates an amazing sound palette, making Rachmaninov's imagery deeper and putting the piano on a par with the choir. The live recordings made at the Small and Grand halls of the Moscow Conservatory give the listeners an opportunity to feel the atmosphere of those concerts and hear the outstanding interpreted examples of the great Russian composer's choral music.

* * *

Rachmaninov wrote his *Six Choruses* for women's or children's voices, Op. 15, in 1895 and 1896. By that time, he had written the opera *Aleko*, the *Youth Symphony*, the choral concerto *O Mother of God, Vigilantly Praying*, the fantasia *The Cliff*, numerous romances, and works for piano and chamber ensembles. However, the publishing fees and performing activities could not provide for the young musician who had to take care of his mother. Financial difficulties forced Rachmaninov to take up teaching, an activity he desperately disliked and found painfully distressing. In addition to private lessons, in 1894, Rachmaninov got a job as a music teacher at one of the institutes under the Office of Empress Maria – the Mariinsky School founded by the Ladies' Care of the Poor, which trained home teachers. According to one of the students, when Rachmaninov entered the classroom, he would "sit down at the table, often taking out a handkerchief, wipe his face for a long time, then, lowering his head on his fingers, call out a student, sometimes without raising his head and without looking at her, and hear a lesson." One day, he got angry with one of the students, left the classroom and went home. He regretted it soon and wrote a note to the principal: "I am generally a bad teacher, and today I was also unforgivably angry, but if I knew that the students would pay for my anger, I would have not taken the liberty to act that way." Nevertheless, Rachmaninov was involved in the musical life of the school. He played at open concerts, invited musicians he knew – Professor Goldweiser and cellist Verzhbilovich, played with them, and often accompanied the choir of students on the piano. It was the choir that he wrote his *Six Choruses* for.

Light-hearted lyricism prevails in the cycle, and a shade of sadness only sets off the youthful spontaneous perception of life. Organically linked with the choral score, the piano part with its developed texture is of particular importance.

The collection opens with *Glory*, a miniature greeting cantata (lyrics by Nikolai Nekrasov). This choral piece is dedicated to Emperor Alexander II known as the Liberator. Nekrasov's original text could not be performed in Soviet Russia for censorship reasons. Therefore, in the 1950s, the text was carefully corrected to comply with the then current ideological trend. The 1982 recording made at the Grand Hall of the Conservatory features this modified text. Here are the two texts for comparison:

Nekrasov's text:

*Glory to the one who gave freedom to the people!
The people's lot is their happiness,
Light and freedom above all!*

*Glory to the one who gave freedom to the people!
Bless, good Lord
With happiness and glory, the cause of love.*

*We don't ask much of God:
To do the right work skillfully
Give us strength.*

*Glory to the one, who gave freedom to the people,
The people's lot is their happiness,
Light and freedom above all!*

Glory, glory, glory!

Censored text:

*Glory to our people, glory!
The people's lot, their happiness,
Peace and freedom above all!*

*Glory to our people, glory!
Fighting the enemy, our fathers
Defended peace and freedom for us.*

*As a friendly family, we all,
Strengthening peace,
Move the cause of freedom
Forward with love*

*Glory to our people, glory!
The people's lot, their happiness,
Peace and freedom above all!*

Glory! Glory! Glory!

The piano part imitates the ringing of bells and the ceremonial beat of drums, thus painting a picture of general jubilation. The solemn sound of the first chorus replaces the quiet landscape of chorus No. 2, *Night*, with the text by Vladimir Lodyzhensky, a writer whose family Rachmaninov was on very friendly terms with. The dreamy contemplation is created with the help of a choral cantilena, and the

coloring of the final intonation can be compared with the first ray of the rising sun. Chorus No. 3, *The Pine Tree* (set to the verses of Mikhail Lermontov), is a theme of loneliness and dreams of happiness. The mood of silence and harmony of nature is introduced by choir No. 4, *The Waves Began to Slumber* (lyrics by Grand Duke Konstantin Romanov). Choir No. 5, *Captivity*, is written in the style of city folk songs. The verses were written by actor and poet Nikolai Tsyganov, who also wrote the lyrics of the well-known song *Mother, Don't Sew a Red Sarafan for Me*. The cycle ends with the bright poetic hymn, *The Angel* (again set to Lermontov's verses), with its soaring lightness and airiness.

Although the cycle was written to be performed by the young students of the school, the composer noted the difficulty of performing the *Six Choruses*, "... which, by the way, no children are able to sing." The vivid imagery of the cycle owes much to the piano part, which goes far beyond the accompaniment, expressively complementing and developing the choir's narrative.

* * *

For his *Three Russian Folk Songs* for orchestra and chorus, Op. 41, composed in 1926, Rachmaninov uses authentic folk themes. These songs are filled with nostalgic accents. All of them are in minor, but have different tempos and characters.

The first song, *Across the River, Swift River*, which opens a kind of three-part cycle, has a moderate tempo. The composer uses a bass one-voiced choir, emphasizing the mournful nature of the musical content with a harsh low male timbre.

The slow and melodious second song, *Ah, You Vanka! You Devil-May-Care Fellow*, was entrusted to a one-voiced female alto choir. The music of this part is full of inescapable melancholy and sadness. As interpreted by Evgeny Svetlanov, the solo timbres of the wind and string instruments sound expressive and melodious.

Rachmaninov combines the bass and alto choirs in the mobile energetic dance of *You, My Fairness, My Rosy Cheeks*. Before the orchestral bridge, it sounds as a single timbre in octave unison, and after it, the composer uses choral polyphony for the first time in this cycle, with the voices seeming to compete with each other in a virtuoso technique. Evgeny Svetlanov conveys the last words – "I bet he wants to beat me. And I don't know why and what for" that the composer intended for the altos only – to the listeners emphatically slowly, saliently and meaningfully.

Based on Edgar Allan Poe's words and liberally translated by Konstantin Balmont, *The Bells*, a poem for symphony orchestra, chorus and soloists, Op. 35, was written by Rachmaninov in 1913. As known, "bells" are one of Rachmaninov's favorite themes. Captivated by the beauty of the bell ringing since childhood years, the composer imitated the sound of bells by various composing means throughout his career. What the composer saw in the Balmont translation of the American poet's verses was a unique opportunity to convey, by means of orchestra, choir and soloists, diverse shades of bell ringing, from the light sound of sleigh bells to a heavy tocsin. According to the composer's idea, the sound of different bells that fills the four movements of this "choral symphony" echoes an individual's state of mind, telling about the most important milestones of his life from youth to death. The creative aspirations of Rachmaninov and Balmont are also linked by a common interest in the psychological phenomenon of dreaming. So, Rachmaninov wrote two romances with the same name, *Dream*. The charm and mystery of dreaming, its proximity to oblivion, to the line that separates life from death, and dreaming as a symbol of non-existence are the creative motifs that were close to the composer, as well as to many other artists of the Silver Age, for whom Nietzsche and Schopenhauer were philosophical idols.

The poem *The Bells* has three solo singing timbres appearing in turn in the first, second and fourth movements.

Captivating with its images of light, joy and fun, the lively first movement is illuminated by the sound of the "silvery light ringing" of sleigh bells. The tenor solo "Can you hear the sleighs rushing in a row..." is filled with youthful optimism, magical daydreams and fabulous hopes. Only a short middle part, when, after the soloist's phrase "enjoyment of a gentle dream," the choir singers, with their mouths closed, sing a sad melodic tune, plunges the listener into an atmosphere of temporary numbness. The C sharp minor key, as a carrier of images of dreaming and oblivion, appears here for the first time. In the mournful last movement, it becomes the main key, already as a means depicting the image of death (let's recall that the scene of the death of Tsar Boris from Mussorgsky's *Boris Godunov* accompanied by the backstage chorus "Weep, weep, people, there is no life in him" in C sharp minor as well).

The second movement opens with a leisurely orchestral introduction with alternating deaf and heavy bell beats and sharp, intense fanfares creating an alarming emotional background despite the dominant major. The choir has only one phrase to sing: "Can you hear the holy, golden ringing for the wedding." The rest of the poetic text is revealed in the timbre of the soprano solo. The atmosphere of the strict and sublime philosophical lyrics of this movement seems unstable with aching, languid shades penetrating it. The intonations of the main theme turn out to be related to the melody of *Dies irae* (Day of Wrath), and the music is full of vague forebodings, as if foreshadowing a short age of happiness.

In the third movement of the poem, "Can you hear the howling tocsin, as if a brazen hell is moaning," the composer realizes dramatic, truly apocalyptic images by means of the orchestra and choir. The infernal motifs echo the bits of Dante's Hell from his opera *Francesca da Rimini*. The atmosphere of before-a-storm forebodings of the pre-war 1913 is felt in every bar of the score of this movement, which paints a picture of universal fire, an incinerating conflagration.

"It's a funeral ringing, a long-draw-out ringing!" The baritone solo confirms the mournful nature of the fourth movement, which begins with a sad recitative narration of the English horn against the background of the measured muffled sound of the bells. The "heavy death knell" accompanies the mournful picture of the epilogue of the entire poem. However, the colors suddenly clear up at the end of the piece. The death knell stops, and the gloomy C sharp minor is followed by the light D flat major. Associated with the funeral experience, the emotional background is transformed into the perception of the sublime heavenly image of the Dormition. "The dream of a bitter life is over," and the soul stands with hope on the threshold of a new imperishable eternal life.

Eugene Platonov, Stanislav Dyachenko

Предлагаемый вниманию слушателей CD содержит записи концертов хоровой музыки Сергея Рахманинова, исполненных в залах Московской консерватории им. П.И. Чайковского великими артистами конца 20 века. Выдающийся дирижёр Евгений Светланов является признанным корифеем и носителем великих традиций интерпретации русской музыки. Это проявляется в масштабности его творческого мышления, стремлении подчеркнуть яркие образные контрасты, заострить смысловые акценты, выявить сочные живописные тембры инструментов оркестра. Неповторимый Святослав Рихтер, аккомпанирующий хору, создаёт удивительную звуковую палитру, углубляя рахманиновские образы и выводя фортепиано на равные позиции с хором. Осуществлённые в Малом и Большом зале Московской консерватории «живые» записи предоставляют возможность слушателям ощутить атмосферу тех концертов и услышать выдающиеся образцы интерпретации хоровой музыки великого русского композитора.

* * *

«Шесть хоров» для женских или детских голосов, Op. 15 были написаны Рахманиновым в течение 1895-1896 годов. К этому времени Рахманинов был уже автором оперы «Алеко», «Юношеской» симфонии, хорового концерта «В молитвах неусыпающую Богородицу», фантазии «Утёс», многочисленных романсов, произведений для фортепиано и камерных составов. Однако издательские гонорары и исполнительская деятельность не могли обеспечить молодого музыканта, вынужденного заботиться о попечении своей матери. Финансовые трудности вынудили Рахманинова заняться отчаянно нелюбимой педагогической деятельностью, мучительно тяготившей его. Помимо частных уроков, Рахманинов в 1894 году устроился преподавателем музыки в одном из институтов Ведомства императрицы Марии – Мариинское училище дамского попечительства о бедных, которое готовило домашних учительниц. По словам одной из учениц, входя в класс, Рахманинов «садился за стол, нередко вынимая носовой платок, долго вытирал им лицо, затем, опустив голову на пальцы рук, вызывал ученицу, иногда не поднимая головы и не глядя на неё, спрашивал урок». Однажды, он рассердился на кого-то из учениц и ушёл с урока домой. Но вскоре пожалел об этом и написал директору записку: «Я вообще плохой преподаватель, а сегодня ещё был к тому же непростительно зол, но если бы я знал, что за мою злость ученицы будут расплачиваться, я бы не позволил себе этого». Тем не менее, Рахманинов всё же принимал участие в музыкальной жизни училища. Играл на откры-

тых концертах, приглашал на выступления своих знакомых музыкантов – профессора Гольденвейзера и виолончелиста Вержбиловича и сам играл с ними, часто аккомпанировал хору воспитанниц. Именно для него и были написаны «Шесть хоров».

В цикле преобладает светлая лирика, а лёгкая грусть лишь оттеняет юношески непосредственное восприятие жизни. Особенное значение в цикле имеет партия фортепиано, ее развитая фактура и органичное единство с хоровой партитурой.

Открывает сборник миниатюрная приветственная кантата «*Славься!*» (слова Николая Некрасова). Эта хоровая пьеса посвящена императору Александру II – Освободителю. Оригинальный текст Некрасова невозможно было исполнить в советской России по цензурным соображениям. Поэтому в 1950-е годы текст старательно подправили в нужном идеологическом направлении. На записи 1982 года из Большого зала консерватории звучит именно этот изменённый текст. Приводим для сравнения оба текста:

Текст Н. Некрасова:

Славься, народу давший свободу!

*Доля народа – счастье его,
Свет и свобода прежде всего!*

*Славься, народу давший свободу!
Благослови, Господи правый
Счастьем и славой, делом любви.*

*Мы же немного просим у Бога:
Честное дело делать умело,
Силы нам дай.*

*Славься, народу давший свободу,
Доля народа – счастье его,
Свет и свобода прежде всего!
Славься, славься, славься!*

Текст после цензуры:

Слава народу нашему, слава!

*Доля народа, счастье его,
Мир и свобода прежде всего!*

*Слава народу нашему, слава!
В боях с врагами мир и свободу
Нам отстояли наши отцы.*

*Мы все любовью дружной семьёю,
Мир укрепляя,
Дело свободы двинем вперёд*

*Слава народу нашему, слава!
Доля народа, счастье его,
Мир и свобода прежде всего!
Слава! Слава! Слава!*

Фортепианная партия имитирует колокольный звон и парадный бой барабанов, рисуя слушателю картину общего ликования. Торжественное звучание первого хора сменяет тихий пейзаж хора № 2 «*Ночка*» на текст писателя Владимира Лодыженского, с семьёй которого Рахманинов был очень дружен. Мечтательная созерцательность создаётся с помощью хорошей кантилены, а окраску заключительной интонации можно сравнить с первым лучом восходящего солнца. В хоре № 3 «*Сосна*» (на стихи Михаила Лермонтова) звучит тема одиночества и мечты о счастье. Настроение тишины и гармонии природы вносит хор № 4 «*Задремали волны*» (слова Великого князя Константина Романова). В стиле городских народных песен выдержан хор № 5 «*Неволя*». Автор стихов – актёр и поэт Николай Цыганов, которому принадлежит текст общеизвестной песни «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан». Завершается цикл светлым поэтическим гимном «*Ангел*» (вновь на стихи Лермонтова) с его парящей лёгкостью и воздушностью.

Несмотря на то, что цикл писался в расчёте на исполнение юными воспитанницами училища, сам композитор отмечал сложность исполнения «*Шести хоров*», «... которые, между прочим, ни одни дети не споят». Яркая образность цикла во многом обязана фортепианной партии, которая выходит далеко за рамки аккомпанемента, выразительно дополняя и развивая повествование хора.

* * *

Три русские народные песни для оркестра и хора, Op. 41 сочинены в 1926 году. Рахманинов использует подлинные народные темы. Ностальгические мотивы чувствуются в этих песнях. Все они написаны в миноре, но отличаются разным темпом и характером.

Первая песня «*Через речку, речку быстру*», открывающая своеобразный трёхчастный цикл, звучит в умеренном движении. Композитор использует басовый одноголосный хор, подчёркивая суровым низким мужским тембром скорбный характер музыкального содержания.

Медленная напевная вторая песня «*Ах ты, Ванька, разудала голова*» поручена одноголосно-му женскому хору альтов. Неизбывной тоской и печалью полна музыка этой части. В интерпретации Евгения Светланова сольные тембры духовых и струнных инструментов звучат выразительно и певуче.

В подвижной энергичной плясовой «Белилицы, румяницы вы мои» Рахманинов объединяет басовый и альтовый хор. До оркестрового проигрыша он звучит единым тембром в октавном унисоне, а после него композитор впервые в этом цикле применяет хоровую полифонию, где голоса словно соревнуются друг с другом в виртуозной технике. Последние слова «право слово, хочет он меня побить. Я ж не знаю и не ведаю, за что!», порученные композитором одним альтам, Евгений Светланов доносит до слушателей подчёркнуто медленно, выпукло и значительно.

* * *

Поэма для симфонического оркестра, хора и солистов «Колокола», Ор. 35 на слова Эдгара По в свободном переводе Константина Бальмонта написана Рахманиновым в 1913 году. Как известно, «колокольность» — один из излюбленных мотивов рахманиновского творчества. С детства пленённый красотой колокольного звона, композитор воплощал имитацию его звучания различными композиторскими средствами на протяжении всего своего творческого пути. В бальмонтском переводе стихов американского поэта композитор увидел уникальную возможность средствами оркестра, хора и солистов передать многообразные оттенки колокольного звона, от лёгкого звучания колокольчиков до тяжёлого набата. По замыслу автора, звучание различных колокольных звонов, пронизывающих четыре части этой «хоровой симфонии», перекликается с душевным состоянием человека, повествуя о важнейших этапах его жизненного пути от юности до смерти. Творческие стремления Рахманинова и Бальмонта связывает также общий интерес к психологическому феномену сна. Перу Рахманинова принадлежат два романа под названием «Сон». Обаяние и таинственность сна, его близость к забвению, к черте, отделяющей жизнь от смерти, сон, как символ небытия — эти творческие мотивы были близки композитору, как и многим другим художникам Серебряного века, философскими кумирами которых были Ф. Ницше и А. Шопенгауэр.

В поэме «Колокола» по очерёдности звучат три сольных тембра певцов — в первой, второй и четвёртой частях сочинения.

Оживлённая первая часть поэмы, пленяющая образами света, радости и веселья, озаряется звучанием «серебристого лёгкого звона» колокольчиков. Теноровое соло «Слышишь, сани мчатся в ряд...» наполнено юношеским оптимизмом, волшебными грёзами и сказочными надеждами. Лишь короткая средняя часть, когда, после фразы солиста «наслажденье нежным

сном», хор с закрытым ртом поёт грустную мелодическую попевку, погружает слушателя в атмосферу временного оцепенения. Тональность до-диез минор, как носитель образов сна и забвения появляется здесь впервые. В траурной последней части она станет главной тональностью, уже как средство воплощения образа смерти (вспомним, что сцена смерти царя Бориса из оперы М. Мусоргского «Борис Годунов» сопровождается закулисным хором «Плачьте, плачьте, людие, несть бо жизни в нем» также в до-диез миноре).

Вторая часть поэмы открывается неторопливым оркестровым вступлением, в котором чередование звучания глухих и тяжёлых колокольных ударов с острыми и напряжёнными фанфарами создаёт тревожный эмоциональный фон, несмотря на господствующий мажор. Хору поручена лишь одна фраза: «Слышишь, к свадьбе звон святой, золотой...» Остальной поэтический текст раскрывается в тембре сопрано-соло. Атмосфера строгой и возвышенной философской лирики этой части кажется неустойчивой, в неё проникают щемящие, томительные нотки. Интонации главной темы оказываются родственны попевке *Dies irae* (День гнева), музыка полна смутных предчувствий, как бы предвещающая недолгий век счастья.

В третьей части поэмы «Слышишь воющий набат, точно стонет медный ад...» композитор средствами оркестра и хора воплощает драматические, поистине апокалиптические образы. Инфернальные мотивы перекликаются с эпизодами дантова ада в его опере «Франческа да Римини». Атмосфера предгрозовых предчувствий предвоенного 1913 года чувствуется в каждом такте партитуры этой части, рисующей картину вселенского огня, испепеляющего пожара.

«Похоронный слышен звон, долгий звон!» – соло баритона подтверждает скорбный характер четвертой части, которая начинается печальным речитативным повествованием английского рожка на фоне мерного приглушённого звучания колоколов. «Похоронный тяжкий звон» сопровождает траурную картину эпилога всей поэмы, однако, в конце сочинения краски неожиданно проясняются. Погребальный звон умолкает, и после мрачного до-диез минора воцаряется светлый ре-бемоль мажор. Эмоциональный фон, связанный с переживанием похорон, преобразуется в восприятие возвышенного небесного образа успения. «Горькой жизни кончен сон», и душа с надеждой стоит на пороге новой нетленной вечной жизни.

Евгений Платонов, Станислав Дяченко

С.В. РАХМАНИНОВ (1873–1943))

Шесть хоров для женских или детских голосов и фортепиано, Op. 15

1	1. Славься! (Николай Некрасов)	1.54
2	2. Ночка (Владимир Лодыженский)	2.48
3	3. Сосна (Михаил Лермонтов)	2.49
4	4. Задремали волны (Константин Романов)	1.43
5	5. Неволя (Николай Цыганов)	2.11
6	6. Ангел (Михаил Лермонтов)	3.06

Три русские народные песни для оркестра и хора, Op. 41

7	1. «Через речку, речку быстру»	3.14
8	2. «Ах ты, Ванька, разудала голова»	5.07
9	3. «Белилицы, румяницы вы мои»	3.16

Колокола, поэма для симфонического оркестра, хора и солистов, Op. 35
(слова Э. По, русский текст К. Бальмонта)

10	1. «Слышишь, сани мчатся в ряд» (Allegro ma non tanto)	6.02
11	2. «Слышишь, свадьбы звон святой, золотой» (Lento)	11.23
12	3. «Слышишь воющий набат» (Presto)	7.45
13	4. «Похоронный слышен звон» (Lento lugubre)	11.09

Alexander Yurlov
Александр Юрлов

Евгений Светланов
Evgeny Svetlanov

Женская группа Хора Всесоюзного Радио и Центрального Телевидения (1 – 6)
Святослав Рихтер, фортепиано. Дирижёр Клавдий Птица
Запись с концерта 12 января 1982 года в Малом зале Московской государственной
консерватории им. П.И. Чайковского

Республиканская русская хоровая капелла (7 – 13)

Художественный руководитель Александр Юрлов

Солисты: Алексей Масленников, тенор (10), Наталья Шпиллер, сопрано (11),
Алексей Большаков, баритон (13)

Симфонический оркестр Московской государственной филармонии (7 – 13)

Дирижёр Евгений Светланов

12 мая 1958 года в Большом зале Московской государственной
консерватории им. П.И. Чайковского

Реставрация и мастеринг: Елена Сыч, Елена Дойникова. Инженер: Игорь Соловьёв
Дизайн: Алексей Гнисюк. Исполнительный продюсер: Евгений Платонов

© & © 2014, 2022 Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского
Все права защищены

Sergey Rachmaninov (1873–1943)

- [1] - [6] Six Choruses for women's or children's voices and piano, Op. 15 . . . . . 14.31
[7] - [9] Three Russian Folk Songs for orchestra and chorus, Op. 41 . . . . . 11.37
[10] - [13] The Bells, a poem for symphony orchestra, chorus and soloists, Op. 35
(text by Edgar Allan Poe, translated by Konstantin Balmont) 36.19

Women's Group of the All-Union Radio and Television Choir ([1] – [6])

Sviatoslav Richter, piano. Conductor Clavdiy Ptitsa

Live at the Small Hall of the Moscow Tchaikovsky Conservatory, January 12, 1982

The Republican Russian Choir ([7] – [13])

Artistic Director Alexander Yurlov

Soloists: Alexey Maslennikov, tenor ([10]), Nathalia Shpiller, soprano ([11]),

Alexey Bolshakov, baritone ([13])

The Moscow Philharmonic Symphony Orchestra ([7] – [13])

Conductor Evgeny Svetlanov

Live at the Grand Hall of the Moscow Tchaikovsky Conservatory, May 12, 1958

Sound restoration & mastering: Elena Sych, Elena Doinikova

Engineer: Igor Solovyov. Design: Alexey Gnisyuk

Executive producer: Eugene Platonov